

Н. Л. Жуковская

ПИЩА КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ФОРМИРОВАНИЯ
МОДЕЛИ ПИТАНИЯ)

Центральная Азия как географическое понятие включает в себя Тибетское и Монгольское нагорья и замкнутые между ними пустыню Гоби, Кашгарскую и Джунгарскую котловины, отделенные горным массивом Тянь-Шань от пустынь и степей Средней Азии. В настоящее время эти районы входят в политические границы МНР и КНР (автономные районы Тибетский, Синьцзян-Уйгурский, Внутренняя Монголия). Основное население этих районов (монголы, уйгуры, тибетцы, казахи, киргизы) к концу XIX — началу XX в. представляло собой уже сложившиеся этносы со своей историко-культурной спецификой и хозяйственно-культурными традициями.

Занятия населения этого региона укладывались в рамки двух основных хозяйственно-культурных типов (ХКТ): кочевых скотоводов и пашенных земледельцев долин крупных рек и предгорных равнин. Скотоводством занимались монголы, проживавшие в степях и полупустынях Монгольского нагорья и Джунгарии, киргизы и казахи Синьцзяна, кочевые группы уйгуров Лобнора, Хотана и Хами и тибетцы Тибетского нагорья. Земледелие было основным занятием уйгуров Кашгарии и Илийского края, а также тибетцев бассейнов рек Брахмапутры, Меконга и Янцзы. Модели питания, сложившиеся у этих двух групп населения, были различны. Изучение их представляет интерес в ряде отношений: экологическом, историческом, биологическом, социальном, ритуальном, включая сюда классовые, половые и возрастные различия в питании, пищу будничную и праздничную, престижную и ритуальную, пищевые запреты и ограничения, режим питания, этнический стереотип поведения во время еды и т. д. В данной статье мы остановимся лишь на первом аспекте — экологическом, т. е. основном регуляторе пищевого рациона, и рассмотрим только модель питания центральноазиатских кочевников с точки зрения ее соответствия экологической среде данного региона.

При изложении материала мы будем пользоваться двумя понятиями — модель питания и система питания. Первое означает в значительной степени абстрактную схему, построенную на соотношении экологических факторов и ХКТ, второе понятие — это реальная система, на которую помимо экологических оказали влияние исторические, политические и социальные факторы. Короче говоря, модель — это стабильная основа более подвижной системы. Оба понятия нужны в равной степени для раскрытия соотношения основного и второстепенного в эволюции системы питания кочевников рассматриваемого региона.

Экологическая специфика Центральной Азии с ее резко континентальным и аридным климатом, значительной средней приподнятостью над уровнем моря, ее растительный и животный мир, характерный для преимущественно безлесных и полупустынных ландшафтов бореальной (палеарктической) зооботанической провинции во многом обусловили и тип хозяйства кочевников скотоводов и связанную с ним модель питания. Ее основными компонентами были в равной степени и мясо и молочные продукты, от правильного соотношения которых в системе ежедневного, а в особенности круглогодичного питания зависело нормальное функционирование человека как биосоциальной единицы.

Соотношение между потребляемым количеством мяса и молочных продуктов зависело от сезона хозяйственного года кочевников. В применении к пище год кочевников делился на два сезона: летний и зимний. Летний сезон длился с апреля до октября, охватывая полугодовой период от отела скота до окончания переработки молока и заготовки впрок на зиму молочных продуктов. Рацион этого периода состоял в основном из этих самых продуктов, лишь изредка дополнявшихся каким-нибудь мясным блюдом, как правило случайным: волк задрал овцу или коня, какое-либо животное забили по старости, случайная удача на охоте и т. д. Зимний рацион, более основательный, включал в себя мясо домашнего скота, забитого и заготовленного впрок в октябре-ноябре, приготовленные еще летом различные типы сыров, масло, печенье или вареные изделия из муки культурных злаков или просто слегка поджаренную муку из диких злаков, разводимую в воде или чае¹. С небольшими локальными отклонениями можно распространить эту структуру питания на всех кочевников рассматриваемого региона.

Мясо и мясные кушанья. Состав стада монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии — овцы, лошади, верблюды, козы, крупный рогатый скот (коровы, яки и их помесь — хайнаки). Мясо разных видов скота оценивалось по-разному и соответственно различной была роль, отводимая ему в пищевом рационе. Монголы делили эти пять видов скота на две группы: 1) скот с горячим дыханием (*халуун хошуу мал*) — овцы и лошади; 2) скот с холодным дыханием (*хуйтэн хошуу мал*) — верблюды, козы, крупный рогатый скот. Мясо первой группы считалось более полезным для человека, чем второй², и действительно, ему отдавалось предпочтение (например, во время свадеб, приема гостей и в прочих торжественных случаях), хотя, конечно, в пищу шло мясо всех пяти видов, а в голодные годы, столь часто выпадавшие на долю кочевников, не брезговали и падалюю.

Мясо ели преимущественно в вареном виде. Опускали его в кипящую воду, варили недолго, сохраняя тем самым по возможности те питательные вещества, которые животное вобрало в себя с подножным кормом. Распределение мяса между присутствующими и то, как его едят — это регламентированное традициями сложное искусство, которого мы здесь касаться не будем. Приправой к вареному мясу обычно служил наваристый мясной отвар, который густо солили (мясо варится несоленым), приправляли диким чесноком, а там, где был известен приправой перец, то и перцем.

¹ А. В. Бурдуков. Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов в Джаргалантуйском и Джебхалантуйском округах Монгольской Народной Республики. — «Сов. этнография», 1936, № 1, с. 122, 123.

² Средневековые источники часто упоминают об использовании кочевниками в пищу конины, хотя сейчас ее едят гораздо реже, чем баранину. Однако традиционный гастрономический интерес монголов к конине в последние годы обрел под собой теоретическую основу: ученые Института животноводства и ветеринарии АН МНР установили, что конина не только вкусна, но и более калорийна по сравнению с другими видами мяса, а также содержит высокий процент минеральных веществ (кальция, фосфора, железа, стронция и т. д. — всего свыше 20), аминокислот в белке, очень важных для человека витаминов группы А и В и т. д. (см. Ж. Гунга. В чем ценность конины? — «Монголия», 1976, № 2, с. 31).

Жарили мясо кочевники редко. Существующие объяснения этого — вред жареного мяса для здоровья (монголы, тибетцы)³, отсутствие посуды, приспособленной для жарки (казахи)⁴, — верны лишь частично и распространяются на мясо домашнего скота. Жарке (в яме на горячих углях) или запеканию (в собственной шкуре, куда через горловину бросали раскаленные камни) подвергалось преимущественно мясо диких животных: горных козлов и баранов, лосей, антилоп, косуль, тарбаганов (крупных сурков степной полосы Евразии) и т. д. Приготовленное таким образом мясо считалось лакомством, развлечением знати. При этом гибла шкура животного, столь важная в хозяйстве кочевников: она шла на изготовление одежды, обуви, головных уборов, кожаной утвари, кожаных веревок для узды, для скрепления деталей юрты, использовалась как подстилка на земляной пол юрты, покрытие на постель и т. д. Известны такие же способы запекания туш домашних коз у монголов (*боодог*) и киргизов (*таш кордо*)⁵. В хозяйстве бедняков ценилась каждая шкура, и вполне естественно, что возник запрет на такую форму приготовления мяса, запрет, который попутно оброс и другими вероятными объяснениями.

Свежее мясо обычно ели осенью в момент массового забоя скота. Остальное время, зимой и весной, питались мясом, прошедшим предварительную обработку в целях консервации. Кочевникам известны следующие способы заготовки мяса: сушение, замораживание, копчение, соление. Туша животного расчленялась на тонкие куски, которые высушивались на солнце, а потом дополнительно коптились в юртах в дыму очагов. Замораживали мясо как кусками, так и целиком тушами уже в условиях наступления суровых центральноазиатских зим, хранили в холодных хозяйственных постройках (шалашах, небольших нежилых юртах, стационарных амбарах). Коптили мясо небольшими кусками в дыму очагов или костров, иногда предварительно подсушив на солнце. Особенно хорошо коптилась конина, баранину и говядину чаще сушили или замораживали.

Особого внимания заслуживает кровь как продукт питания. Прежде всего следует сказать об употреблении «живой крови», т. е. крови живых животных. Монголы и тибетцы употребляют ее в пищу с глубокой древности до наших дней. Марко Поло пишет о том, что каждый воин монгольской армии в XIII в. мог иметь для своих личных нужд до 18 коней. Во время быстрых походных маршей в стратегических целях и из-за отсутствия времени не жгли костры и не готовили пищу, и тогда основным питанием воинов становилась кровь⁶. Животное связывали, валили на землю, делали надрез вены вблизи шеи и сцеживали кровь в какую-либо посудину, а иногда просто прижимали губами к надрезу и пили прямо из него. Безболезненно для животного от него за один раз можно брать не более 300 г крови, за несколько дней оно эту потерю восстанавливало. Дозы такого размера было достаточно в качестве суточного рациона питания. Как походная пища кровь была чрезвычайно удобна тем, что не требовала ни специальной транспортировки, ни специального приготовления. «Живую кровь» можно употреблять в подогретом до свертывания виде, и этот способ был также известен монголам, но обычно они пили ее сырой⁷. Тибетцы пили и пьют до сих пор кровь яков и лишь изредка гибридов яков и коров, однако они

³ Н. В. Кюннер. Описание Тибета. Ч. 2 этнографическая, вып. 1 («Состав и быт населения»). Владивосток, 1908, с. 61.

⁴ Л. П. Потапов. Особенности материальной культуры казахов. — «Сб. Музея археологии и этнографии» (далее — Сб. МАЭ), т. XII. М. — Л., 1949, с. 64.

⁵ У монголов существует и современный модернизированный вариант приготовления этого блюда тоже с помощью камней, но в плотно закрытой металлической посуде (*хорхог*).

⁶ Marco Polo. Travels. Harmondsworth, 1968, p. 81, 82.

⁷ R. Tannahil. Food in history. London, 1973, p. 130.

употребляют кровь в подогретом и свернувшемся виде, добавляя в образовавшееся кровяное желе соль, масло и сыр. Это вкусно и полезно с медицинской точки зрения, как отмечает Р. Эквол, врач, проживший семь лет в Тибете⁸. По сообщению того же Эквола, несмотря на высокие вкусовые качества и полезность крови, ее пьют нечасто: употребление ее резко возрастает в экстремальных условиях (голод, болезни, для лечения которых кровь считается полезной, и т. д.)⁹.

Кровь забиваемых животных сливали в особую посуду и использовали для варки колбас. Коровьей, бараньей и конской кровью начиняли разные сорта колбас: чисто кровяные, без каких-либо дополнений (часто смешивая кровь разных животных); начиненные помимо крови мелко наструганным фаршем из внутренностей (бараньих, коровьих, конских — по отдельности или смешанных); иногда добавляли дикий чеснок, лук и другие специи. Колбасы такого типа были распространены не только у монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии, но и у их северных соседей: бурят, алтайцев, тувинцев-тоджинцев¹⁰, живших в экологически сходных условиях и имевших сходный хозяйственный уклад.

Внутренности животных (сердце, почки, печень, легкие, тестикулы) шли в пищу наряду с мясом. Монголы полагали, что каждое из них усиливает соответствующие свойства человеческой природы: съеденная печень — силу, сердце — храбрость, тестикулы — половую потенцию и т. д. Любопытное блюдо из внутренностей делали тибетцы: желудок забитого животного заполнялся его печенью, почками, сердцем и т. д., затем его зашивали и квасили «в собственном соку» в течение нескольких дней, а то и недель. Чем большее зловоние он источал, тем более высокими считались его вкусовые качества. Из него варили похлебку, заправляя ее ячменем¹¹.

В пищу шли не только мясо, внутренности и кровь животных, в голодные годы ели также копыта и кости. Последние, после того как их тщательно обглаживали, растирали в порошок (так называемую костную муку) и разводили его в воде. У тюркских кочевников это отмечено еще в начале нашей эры¹². Употребление в пищу падали, т. е. животных, сдохших от голода или болезней, отмечали у кочевников в разные исторические периоды: у скифов в V в. до н. э., у монголов в XIII в. н. э., у крымских татар в XVI—XVII вв., у калмыков даже в XIX в.¹³

Молоко и молочные продукты. Вторым, не менее важным, чем мясо, компонентом модели питания кочевого населения Центральной Азии были молочные продукты. На их изготовление шло молоко всего домашнего скота: коров, яков, овец, коз, кобыл, верблюдов. Есть определенная градация в отношении к молоку разных животных и его наиболее рациональному использованию: монголы самым жирным (до 10—12%) и потому лучшим по качеству считали молоко яков, из него удавалось получить наибольшее количество масла¹⁴. Однако тибетцы, у которых як — главное дойное животное, больше ценят масло из молока коровы,

⁸ R. B. Ekvall. A note on «live blood» as food among the Tibetans.— «Man», 1963, v. 63, september, p. 145, 146.

⁹ Там же, с. 145.

¹⁰ И. Е. Тугутов. Пища южных бурят.— «Сов. этнография», 1957, № 3, с. 84—86; Л. П. Потапов. Пища алтайцев.— Сб. МАЭ, т. XIV. М.— Л., 1953, с. 56; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, с. 101.

¹¹ Al. David-Neel. Voyage d'une parisienne à Lhassa. Paris, 1953, p. 148.

¹² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.— Л., 1950, с. 231.

¹³ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, с. 95, 96; М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.— Л., 1936, с. 59; И. А. Житецкий. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892, с. 192, 195; П. Небольсин. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852, с. 47; А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975, с. 149.

¹⁴ А. В. Бурдуков. Указ. раб., с. 124.

менее жирного, но более, с их точки зрения, вкусного¹⁵. Коровье и козье молоко используется в основной своей массе для приготовления молочных продуктов, рассчитанных как на длительное хранение (масло, кислый сыр, сушеный творог), так и предназначенных для быстрого использования (пенки, пресный сыр, простокваша). Овечьим и верблюжьим молоком часто забеливают чай. Кобылье молоко идет только на изготовление кумыса, специфический вид кумыса делается из верблюжьего молока.

Как монголы, так и казахи при нехватке молока использовали для изготовления молочных продуктов смесь молока от разных видов животных. При этом у казахов смешивание молока крупного и мелкого рогатого скота считалось нормальным явлением (так поступали в хозяйстве богачей), а смесь коровьего молока с верблюжьим или кобыльим считалась суррогатом, молочные же изделия из них — плохими (это была вынужденная мера в хозяйстве бедняков)¹⁶.

Все молочные продукты, производившиеся в хозяйстве тюркских и монгольских кочевников, делятся на две основные группы: скоропортящиеся и долгохранящиеся. К числу первых относятся: сметана и пенки (монг. *өрөм*, тюрк. *каймак*), простокваша из квашеного молока — полужидкая масса, горьковато-кислая на вкус (монг. *тараг*, тюрк. *катык*), пресный мягкий сыр (монг. *бяслаг*, тюрк. *быштак*). Сюда же следует отнести слабоалкогольные и безалкогольные кисломолочные напитки (см. о них ниже), а также часть продуктов, которые получали при перегонке молока на молочную водку, например кисловатую смесь творога и сыворотки: ее разбавляли либо холодным, либо горячим молоком (*едмек*, *хормог*) и давали детям.

К числу долгохранящихся и ежегодно заготавливаемых на зиму продуктов относятся масло и несколько разновидностей сушеного творога. Монголам известны два основных способа получения масла: перетапливание и сбивание. Топленое масло бывает двух сортов: желтое (*шар тос*) и белое (*цагаан тос*). И то и другое получали и получают до сих пор путем перетапливания пенки и их последующего ферментирования в сосудах из желудков мелкого рогатого скота (*гүзээ*) или кишок крупного рогатого скота (*гэдэс*). Более качественным считался *шар тос* — верхний слой перетопленных отстоявшихся пенки, содержащий большой процент жира (отсюда его желтый цвет). В белую массу, оставшуюся после снятия верхнего слоя, добавляли муку, сахар, творог, иногда даже крупку дикорастущей гречихи — все это еще раз перетапливали и получали *цагаан тос*. Масло не подсаживали, тем не менее после подобной обработки оно могло сохраняться в течение нескольких лет. Кишки и желудки, начиненные маслом, несмотря на их небольшие размеры, весят иногда до 50 кг. Такая фасовка очень удобна для транспортировки при кочевом образе жизни и применяется в сельской Монголии до сего дня. Масло добавляли в чай и в супы (тибетцы) и в *цзамбу* (западные монголы). Его замешивали в пресное тесто, из которого пекли ритуальное новогоднее печенье (*хэвийн боов*). В масле, смешав его с бараньим салом, варили *боорцог*. Сейчас *шар тос* едят, намазывая его на хлеб. Сливочное масло (*цөцгийн тос*), полученное вторым способом — сбиванием вручную отстоявшихся сливок, снятых с некипяченого молока, было популярно гораздо меньше.

Разнообразные виды сушеного творога, запасавшиеся на зиму, различались по вкусу и консистенции: полученные при кипячении простокваши имели белый цвет с синеватым оттенком, а при кипячении сыворотки — немного красноватый, и тот и другой виды творога отличались кисловатым привкусом. При процеживании смеси сыворотки и творога,

¹⁵ «Описание Тибета в нынешнем его состоянии». СПб., 1828, с. 152.

¹⁶ Ф. Фиельструп. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. — «Казаки. Антропологические очерки». Л., 1927, с. 84, 85.

остававшейся после перегонки водки, получался мелкий белый творожный порошок, почти безвкусный (монг. *аарц*). Все виды творога заготавливались летом и высушивались на солнце. Иногда это были бесформенные комочки, но чаще творог спрессовывали, резали ломтиками, нанизывали на нитку и в таком виде сушили (монг. *хурууд*, тюрк. *курт*, *курут*). В хорошо подсушенном виде он был тверд как камень, его ели, размачивая и размягчая в чае, а иногда и просто растворяя в горячей и даже в холодной воде. К весне запасы сушеного творога обычно иссякали.

Наиболее лакомые из молочных блюд — это подсушенные пенки, прожаренные с мукой и сахаром сливки (монг. *хайлмаг*, бур. *саламат*, казах. *байкалмак*), а также неизвестное монголам, но очень популярное у киргизов, казахов и уйгуров легкое овцы, заполненное смесью молока с маслом и затем сваренное в кипящей воде¹⁷.

Особняком стоит вопрос об употреблении кочевниками цельного молока. Свидетельства средневековых источников и материалы исследователей XIX—XX вв. по этому вопросу противоречивы. Плано Карпини пишет, что монголы XIII в. пили как кобылье, так и овечье, коровье и верблюжье молоко¹⁸. А вот Рубрук, подробно остановившись на изготовлении кумыса, масла, сушеного творога (зимой его распускают в воде, получается кисловатая жидкость), ни словом не обмолвился о том, что монголы пили цельное молоко¹⁹. Китайский посол Чжао Хун, автор «Мэн-да бэй лу» («Полного описания монголо-татар», сочинение XIII в.), пишет, что монголы «пьют лишь кобылье молоко»²⁰, очевидно, имея в виду кумыс. Киракос Гандзакечи, армянский историк XIII в., тоже упоминает только кумыс²¹, а анонимный грузинский «Хронограф XIV века» утверждает, что монголы «мясом и молоком бессловесных питались»²². В «Сокровенном сказании» упоминаются только кислое молоко и кумыс (последний довольно часто), а у Рашид-ад-Дина — кумыс и козье молоко, последнее как пища впавшего в нищету Он-хана (Ван-хана «Сокровенного сказания») ²³. Русский посол Василий Тюменец, побывавший у Алтын-ханов Западной Монголии в 1615 г., в числе почетных блюд, которыми его угощали как посла, упоминает «молоко коровье» и «вино ис кумыза»²⁴. Столь же противоречивы сведения, относящиеся к последнему столетию. И. М. Майский и К. В. Вяткина пишут, что монголы пили молоко²⁵. С. И. Руденко, Ф. А. Фиельструп, Л. П. Потапов, говоря о казахах первой трети XX в., сообщают, что цельное молоко ими в пищу не употребляется и практически никогда не употреблялось. То же самое пишет Н. В. Кюнер о тибетцах²⁶. Наконец, собственные полевые материалы автора этой статьи, работавшего несколько лет в Монголии, тоже говорят об очень ограниченном употреб-

¹⁷ С. М. Абрамзон. Киргизы. Л., 1971, с. 145; Т. Батыркулов. Куйган опко. — «Вокруг света», 1978, № 8, с. 31.

¹⁸ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», с. 36.

¹⁹ Там же, с. 95—98.

²⁰ «Мэн-да бэй лу» («Полное описание монголо-татар»). Пер. и прим. Н. Ц. Мункуева. М., 1973, с. 69.

²¹ Киракос Гандзакечи. История Армении. М., 1976, с. 172.

²² Г. В. Цулая. Грузинская книжная легенда о Чингисхане. — «Сов. этнография», 1973, № 5, с. 114.

²³ «Сокровенное сказание». Пер. и прим. С. А. Козина. М.—Л., 1941, § 145; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1852, с. 91, 110.

²⁴ А. Г. Банников. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай (Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков). М., 1949, с. 13.

²⁵ И. М. Майский. Монголия накануне революции. М., 1960, с. 137; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. — «Восточноазиатский этнографический сборник, 1», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LX, М.—Л., 1960, с. 201.

²⁶ С. И. Руденко. Очерки быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза. — «Казаки. Антропологические очерки», с. 24; Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты питания турко-кочевников. — В кн.: «Казаки. Сб. статей антропологического отряда казахстанской экспедиции». Л., 1930, с. 264; Л. П. Потапов. Особенности материальной культуры казахов, с. 63; Н. В. Кюнер. Указ. раб., с. 61.

лении цельного (обязательно кипяченого) молока: его дают пить детям, чаще в смеси с различными видами творога (то же отмечает С. М. Абрамзон у киргизов). Взрослые пьют его редко: либо это пробная пиала во время первой дойки скота после отела, либо это угощение почетного гостя, зашедшего в юрту; пиалой молока встречают невесту, прибывшую со свадебным поездом в юрту жениха. Одним словом, все это моменты чисто обрядового характера. Почему же потребление молока взрослым населением у кочевников ограничено? Вряд ли следует в этом случае искать объяснение в теории «лактазной дефицитности», согласно которой определенный процент всего взрослого населения земного шара страдает в той или иной степени неусвояемостью свежего молока, а может употреблять в пищу лишь кислые молочные продукты²⁷. Кочевники, разводившие молочный скот и веками потреблявшие молоко и изделия из него, явно страдают ею в наименьшей степени. Думается, что потребление цельного молока никогда не могло быть особенно значительным. Во-первых, удойность скота кочевников всегда была не так уже велика. Во-вторых, большая часть молока должна была идти в переработку на кисломолочные продукты, которые и усваиваются организмом лучше, чем свежее молоко, и без запаса которых зимой человек бы не продержался. В-третьих, по чисто климатическим причинам в условиях центральноазиатской жары молоко через 3—4 часа скисает²⁸, а естественно скисшего молока ни турки, ни монголы не употребляли, признавая лишь искусственную закваску. Средневековых же авторов в ряде случаев, возможно, вводило в заблуждение то, что все виды жидких молочных продуктов (свежее молоко, кислое молоко, кумыс из кобыльего молока, кислые напитки из коровьего молока) внешне выглядят одинаково.

С появлением чая весь свободный запас свежего молока стал использоваться для приготовления чая с молоком. Для значительного большинства рядовых скотоводов чай с молоком, приправленный маслом и толченым поджаренным зерном, часто являлся единственной пищей в течение многих дней. Пили чай много раз в день, и на это уходило значительное количество молока, почти все, что семья могла позволить себе выпить в свежем виде. Отсюда все те ограничения в потреблении свежего молока, которые порою удивляют тех, кто с этим сталкивается.

Напитки. Все напитки кочевников в той или иной степени тоже связаны с молоком. Самый распространенный из них — чай с молоком. Без молока кочевники чай практически не пьют. Чай стал известен монголам относительно поздно — в конце XVI — начале XVII в. Именно в этот период китайские источники впервые упоминают о желании монголов иметь «чайные рынки»²⁹. Василий Тюменец, находясь послом у Алтын-ханов Западной Монголии, впервые попробовал на пиру «питье красное с неведомо какими листьями»³⁰. У турков Кашгарии чай стал известен еще позднее, скорее всего в начале XVIII в.³¹ В Центральной Азии получил распространение черный плиточный чай. Плитки такого чая весили несколько килограммов. Заваривали его прямо в чугунных котлах, стоявших на огне, в уже кипящий заваренный чай добавляли молоко (коровье, ячье, овечьё, верблюжье) и кипятили еще несколько

²⁷ D. R. McCracken. Lactase deficiency: an example of dietary evolution.— «Current Anthropology», 1971, v. 12, № 4—5, p. 481, 482.

²⁸ Тем не менее кочевникам известно несколько способов сохранения свежего молока: зимой его замораживают в какой-либо посуде, летом высушивают и толкут в порошок.

²⁹ «Установления о соли и чае». Перевод, вступит. статья и комментарии Н. П. Сви-стунной. М., 1975, с. 146, 147.

³⁰ А. Г. Банников. Указ. раб., с. 15.

³¹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 283—286.

минут, тщательно размешивая. Потом котел снимали с огня, чай сливали в специальный сосуд и разливали каждому в его личную посуду. Нередко в чай добавляли кроме молока масло, соль (западные монголы, тибетцы, турки), поджаренную муку, сало бараньего курдюка, пельмени, костный мозг барана, размельченное вяленое мясо. К чаю подавали разные виды сушеного творога, пресные лепешки, кусочки теста разной формы, сваренные в кипящем жиру. Чай пили часто, по нескольку пиал в один прием. Традиция требовала приготовления свежего чая для каждого вновь пришедшего в юрту гостя.

Помимо привозного плиточного чая всем кочевникам были известны его дикорастущие заменители. Если же не было возможности достать их, то обычным напитком была кипяченая смесь молока с водой, в которую добавляли жареную муку, соль, масло или сало (тюрк. *куурма чай*)³².

В Тибете чай появился раньше, чем у монголов. Уже при китайской династии Мин (1368—1644) он был достаточно широко известен. Пили его с ячым молоком и маслом. В остатках чая разводили до требуемой консистенции ячменную муку и ели цамбу, либо в жидком, либо в густом виде.

Далее идут холодные молочные напитки, приготовлявшиеся путем специального заквашивания молока разных животных и содержащие небольшой процент алкоголя. Напиток из заквашенного коровьего молока, разбавленного водой (тюрк. *айран*, монг. *айраг*, зап.-монг. *арик*), кислый на вкус, хорошо утолял жажду в жару. Тюркские и монгольские кочевники готовили этот напиток по-разному: первые заквашивали кипяченое молоко, добавляя в него воду (3—4 чашки воды на одно ведро молока), вторые же заквашивали сырое молоко³³. Однако и те и другие прибегали к искусственному заквашиванию, используя в качестве закваски остатки прежних кисломолочных продуктов (чашка айрана или кумыса, кислый творог, размешанный в воде, сыворотка от пресного творога) или сычуг, а также содержимое желудка ягненка, зарезанного в период его молочного кормления. Монголам известна и такая закваска, как спитой чай, опущенный в небольшое количество молока, киргизы использовали в качестве таковой медное кольцо или монету, можжевельник, семена дыни, алтайцы — копченое сухожилие лошади или овцы³⁴.

Напиток из кислого кобыльего молока — это получивший всемирную известность кумыс (тюрк. *кумыз*, зап.-монг. *чиген*, халх. *цэгээн*, *айраг цэгээн*, *айраг*, *гууний айраг*). О нем писали Геродот, китайские хроники начала нашей эры, путешественники и миссионеры средневековья и нового времени, врачи и этнографы на протяжении последних 100 лет³⁵. Поэтому мы остановимся лишь на необходимом для данной работы минимуме сведений.

Кобылье молоко и турки и монголы заквашивают в свежем, ни в коем случае не в кипяченном виде. Наилучшей закваской считается небольшое количество старого кумыса, сохранившееся с прошлогоднего сезона либо в замороженном, либо в жидком состоянии. Бродильный элемент сохраняет в себе и осевший в виде творожной массы на стенках сосудов из-под кумыса молочный белок. Если в такой сосуд влить

³² С. М. Абрамзон. Указ. раб., с. 143, 144.

³³ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, ч. II. СПб., 1881, с. 111.

³⁴ Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты..., с. 277; Л. П. Потапов. Пища алтайцев, с. 43.

³⁵ Геродот. История, IV, 2; «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», с. 35, 36, 96, 97; Л. П. Потапов. Пища алтайцев, с. 38, 39; Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты..., с. 266—270; Р. Индра. Монгольские национальные молочные продукты.— «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». Улан-Батор, 1974, с. 151, 152; Я. Цэвэл. Монгольские молочные продукты.— «Современная Монголия», 1934, № 6, с. 30—32.

свежее кобылье молоко, оно начнет бродить без всякой дополнительной закваски.

Кумыс держат в больших кожаных сосудах: монгольские бурдюки, сделанные из цельноснятых бычьих шкур, могут вмещать до 300 л. Время, необходимое для брожения (от нескольких часов до 3—5 суток), зависит от регулярности взбалтывания и не столько от количества, сколько от консистенции молока: более жирное и густое бродит дольше³⁶. Уже готовый кумыс отливают в сосуды помельче и пьют, а в бурдюки постоянно после каждой дойки кобылиц доливают свежее молоко. Этот процесс длится непрерывно до окончания кумысного сезона осенью, хотя кое-где готовят кумыс и зимой. Этот питательный, целебный, отлично утоляющий жажду напиток, содержащий всего 1,5—3% алкоголя, нашел широкое применение в медицине и является прекрасным вкладом кочевников в общемировую культуру. Менее известен и гораздо меньше распространен кумыс из верблюжьего молока (тюрк. *шубат*, монг. *хормог*, *ундаа*).

Следующий по степени крепости напиток — молочная водка (монг. *архи*, тюрк. *арак*, зап.-монг. *арки*). Ее гонят из кислого молока, которое заквашивают уже после того, как с него снимут сливки. Исходным продуктом для перегонки могли быть также айран, кумыс, а у киргизов — еще и сырой творог. У тюркских и монгольских кочевников аппаратура и технология перегонки кислого молока на водку были очень похожи³⁷. Монголам известно пять степеней перегонки водки (*архи*, *арз*, *хорз*, *шарз*, *дун*), шкала крепости которых возрастает от 9—11 до 30°. У казахов Ф. Фиельструп называет три степени крепости, самая высшая — 45°³⁸. Обычно останавливаются на первой — *архи*, ибо все последующие перегонки требуют очень много молока.

У тибетцев нет ни кумыса, ни архи, но есть ячменное пиво *цян* (*чан*): в слегка проваренный ячмень кладут для брожения смесь муки с имбирем и аконитом, через 2—3 дня забродившую массу разводят кипятком, процеживают и пьют в горячем виде. Для получения более крепкого напитка делают перегонку того же пива³⁹. Киргизам также известен слабо алкогольный напиток из ячменя, проса или кукурузы (*бозо*), в который для брожения добавляли солод из проросшей пшеницы. Из бозо по мере надобности гнали более крепкую водку⁴⁰.

А теперь перейдем к тому, что в системе питания кочевников составляло дополнительный элемент, хотя и незначительный по количеству, но весьма важный по качеству, — это растительная пища, восполнявшая в организме человека его потребность в основном углеводе — крахмале, отсутствующем в мясной и молочной пище.

Первоначально вся растительная пища добывалась только путем собирательства. А. А. Юнатов выделяет следующие категории дикорастущей флоры, которые использовали в пищу кочевники: крахмалоносы, ягоды, грибы, лук, пряно-ароматические виды трав, применявшиеся как приправы. Кочевники умели их собирать, заготавливать и запасать впрок. Дикie злаки — гобийская однолетняя солянка или сульхир (*Agriophyllum aenearium*), верблюжатник (*Corispermum*) и др. — измельчались в ступах в муку крупного помола, которую поджаривали с маслом и добавляли в чай. Корневища горца живородящего (*Polygonum viviparum* L.), гусиной лапчатки (*Potentilla anserina* L.), ревеня гобийского

³⁶ Казахи для усиления пьянящих свойств кумыса добавляют в него корень растения *кучала*.

³⁷ А. В. Бурдуков. Указ. раб., с. 124; К. В. Вяткина. Указ. раб., с. 202—203; Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 161; Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты..., с. 283, 284.

³⁸ Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты..., с. 285.

³⁹ Н. В. Кюнер. Указ. раб., с. 61, 62. См. также: Al. David-Neel. My journey to Lhasa. London, 1927.

⁴⁰ С. М. Абрамзон. Киргизы, с. 144.

(*Rheum nanum sievers*), луковицы лилий (*Lilium tenuifolium* Fisch.) и др. высушивали и добавляли как приправу к мясу или замешивали в молочные продукты. Черная и красная дикая смородина, крыжовник алтайский, земляника, малина, облепиха, черемуха, плоды диких яблонов — все это собирали, ели в свежем и сушеном виде, добавляли в молочные продукты (например, любимое лакомство на севере Хэнтэйского аймака МНР и поныне — сметана и сыр с сушеной черемухой). В степях Центральной Азии растут несколько видов дикого лука: крупнолуковичный лук алтайский (*Allium altaicum* Pall.), лук монгольский (*Allium mongolicum* Rgl.), лук многокорневой (*A. pollyrrhizum* Turcz.), разновидность черемши (*Allium victorialis* L.). Их запасали в больших количествах, спасаясь от зимних и весенних авитаминозов. В качестве суррогатов чая использовали кипрей, кровохлебку, шиповник иглистый, серпуху. Собирали, сушили и хранили полевые шампиньоны, употребляя их и как лекарство, и как пищевое сырье⁴¹.

Однако не только дикорастущие, но и культурные растения уже достаточно давно вошли в пищу кочевников. Данные о том, что хунну во II в. до н. э. засевали просом поля и имели кладовые с зерном, захват которых врагами грозил населению голодом, приводит Н. Я. Бичурин⁴². В «Полном описании монголо-татар» (XIII в.) говорится, что монголы научились есть рис и пшеницу, которые они отнимают у покоренных народов; они варят из них кашу; у самих же монголов на их собственной земле растет только черное просо⁴³. Со второй половины XIX в. в Монголии стали появляться русские купцы и крестьяне-колонисты. Они осваивали земли в Северной и Западной Монголии, сеяли хлеб, торговали зерном и мукой. Мука постепенно все больше входила в систему питания монголов. Кочевое население Синьцзяна также приобретало муку либо у своих оседлых соседей уйгуров, либо у русских и китайских купцов. Часть кочевого населения Цайдамской котловины и Центральной Монголии сеяла ячмень и даже пшеницу на пригодных для этого землях, что не мешало им кочевать все лето со скотом и возвращаться к своим полям лишь осенью ко времени уборки урожая⁴⁴.

С появлением муки в достаточном количестве в систему питания монголов сразу вошел ряд блюд, представляющих собой синтез мясных и мучных изделий: суп с мясом и лапшой (*гурилтай шөл*), вареные на пару пироги типа крупных пельменей с начинкой в виде смеси нескольких сортов мяса с луком, чесноком, перцем, иногда морковью и капустой (монг. *бууз* от кит. *бао-цзе*); те же самые пирожки, но обжаренные в кипящем бараньем жире (*хуушуур*), суп с мясом и рисом (*будаатой шөл*), суп с пельменями (*баништай шөл*), суп с китайскими, сваренными на пару, пышками (*маньтоу шөл*); появились овощные супы на мясном бульоне, мясо, тушеное с овощами. Вошли в обиход и китайские приправы: пшеничный уксус (*цуу*), паста из соевых бобов (*жан*). Все эти блюда быстро получили распространение и признание. Достаточно сказать, что *бууз* стали самым распространенным праздничным и почетным блюдом, которым встречали и сейчас встречают гостей в Монголии и Бурятии. Под влиянием русских монголы освоили технику выпечки хлеба из кислого теста, постепенно становившуюся все лучше и лучше, хотя

⁴¹ А. А. Юнатов. Использование местной дикорастущей флоры кочевым населением Центральной Азии. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964, с. 8, 9. Данные о роли продуктов собирательства в хозяйстве монголов в конце XIX в. см.: Г. Н. Потанин. Тангуты-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950, с. 130; в начале XX в.: А. Н. Формозов. В Монголии. М.—Л., 1928, с. 142, 143.

⁴² Н. Я. Бичурин. Указ. раб., с. 76.

⁴³ «Мэн-да бэйлу», с. 69, 70.

⁴⁴ Н. М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883, с. 159, 160; А. Рона-Таш. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М., 1964, с. 199, 200

до сих пор в их быту сохраняются и традиционные способы приготовления хлеба из пресного теста: обжаривание кусочков теста в кипящем масле (монг. *боорцог*, кирг. *боорсок*, казах. *баурсак*). Киргизы, казахи и монголы умели делать и пресные лепешки, пропекая их в чугунном котле над очагом или прямо в воде. В системе питания тюрков мука и крупы использовались издавна: это лапша или мучной соус к бешбармаку, жаренные на масле со сливками слоеные лепешки, оладьи (*куй-мак*) и т. д.⁴⁵

Завершая описание системы питания кочевников, следует сказать несколько слов о роли продуктов рыболовства и охоты в их рационе. Общеизвестно мнение, что монголы рыбу не едят и никогда не ели. Объясняют это часто нормами буддийской морали, запрещающей убивать живые существа, забывая при этом, что та же самая мораль не мешала монголам забивать скот и убивать дичь на охоте. Дело не в запретах, а все в той же традиционной системе хозяйства и силе привычки скотовода только к мясу и молочным изделиям. Монголы, жившие в районе крупных озер (Хубсугул, Буир-нур, Далай-нур) и богатых рыбой рек (Онон, Керулен), в голодные годы питались рыбой. Как говорит «Сокровенное сказание», Темуджин и его братья и их мать Оэлун в те трудные для них годы, когда умер отец и остальная родня бросила их без помощи на произвол судьбы, кормились тем, что выкапывали корни и ловили в Ононе хариусов, ленков и плотву⁴⁶. И уж если не пренебрегал рыбой сам Чингисхан, то, наверное, в столь же экстремальных ситуациях не брезговали ею и остальные монголы. Били ее стрелами из лука, никаких рыболовных снастей у монголов так и не появилось вплоть до зарождения рыбных промыслов на крупных озерах уже в XX в.

Куда большую роль в жизни монголов играла охота, которая была одновременно и развлечением знати, и способом тренировки воинов, и средством добывания дополнительного питания. Первым двум целям служила облавная охота на хищных животных (волков, лисиц), а также на кабанов, антилоп. Мясо последних очень высоко ценилось, но подавалось оно к столу ханов и знати, кое-что перепадало и воинам. Для рядового кочевника это была роскошь, он охотился в основном на птицу (уток, гусей, дроф), степных сурков, барсуков; в голодные годы ели даже полевых мышей, хомяков, бурундуков и выкапывали из их нор запасы зерна и корней. В таежной зоне охотились на крупных таежных зверей: косуль, кабанов, медведей. Особенно ценились печень и кровь свежезабитой косули: народная медицина рекомендовала пить ее при заболеваниях легких и печени. Медведя никогда не убивали только ради охотничьего азарта — это было опасным занятием, к тому же мясо его не очень высоко ценилось, но для легочных больных считался очень ценным подкожный медвежий жир (его ели сырым, даже не присаливая). Медвежья желчь использовалась как лекарство от желудочных болезней, лапам медведя приписывалась магическая сила снимать заболевания вымени у коров. Волков и лисиц били только ради шкур, их мясо не давали даже собакам.

В строгой и суровой кухне кочевников были свои приправы и пряности: соль (в Центральной Азии было много соленых озер, и кочевники издавна освоили примитивную добычу неочищенной соли, которую использовали в небольших количествах), дикий, а затем и культурный лук и чеснок — ими приправляли мясной бульон (на его основе делали соус к несоленому отварному мясу) и сдабривали кровяные колбасы.

Такова была в общих чертах система питания центральноазиатских кочевников. Следует отметить, что они сохраняли свою приверженность

⁴⁵ С. М. Абрамзон. Указ. раб., с. 143.

⁴⁶ «Сокровенное сказание», § 74, 75.

если не к системе в целом (это не всегда удавалось), то к отдельным ее блюдам и компонентам, попадая в условия, резко отличавшиеся от привычных. Так, императоры юаньской династии, начиная с Хубилая, окружили себя не собственной доселе правителям монголов роскошью. Китайским по обилию и основе стало и их питание. Но в составленном при императоре Тогон Тэмуре придворным врачом-диетологом компендиуме «Свойства и сущность напитков и пищи» в числе упомянутых там 99 экзотических напитков и блюд имеется до двух десятков наименований из кухни кочевников: кобылье и верблюжье молоко (очевидно, кислое), овечье мясо, тарбаган, желе из вываренных ягнячьих ножек, маленький золотоголовый гусь (возможно монгольский степной гусь-сухонос), ряд степных кореньев, идентифицировать которые не удалось, и др.⁴⁷

Подведем итоги. Основу модели питания кочевников-скотоводов Центральной Азии составляло хорошо сбалансированное соотношение мяса и молочных продуктов. Оно обеспечивало человека достаточно калорийной, хотя и мало витаминизированной пищей, тем не менее содержащей в нужной пропорции белки, жиры, углеводы и минеральные элементы, необходимые для правильного обмена веществ. Эта модель была основой системы питания кочевников, дополнявшейся продуктами охоты, собирательства, рыбной ловли и, что очень важно, примитивного земледелия, а в зоне контакта с оседлым земледельческим населением — даже и весьма развитого. Продукты земледелия вносили в эту систему небольшое, но необходимое человеку количество крахмала и витаминов. Рассмотрев все основные и второстепенные компоненты этой системы, их сезонное распределение, способы заготовки, консервации, приготовления и использования, мы неизбежно приходим к выводу, что это наиболее рациональный пищевой максимум, который мог быть выработан в экологических условиях степей, полупустынь и высокогорных плато Центральной Азии.

THE FOOD OF THE NOMADS OF CENTRAL ASIA [TO THE PROBLEM OF THE ECOLOGICAL BASIS OF THE NUTRIMENT MODEL]

The paper deals with the development of the nutriment model of the nomads of Central Asia and its relation to the specific ecology of this region. The main components of the model are considered to comprise meat (including dishes prepared from blood) and milk (milk products and drinks). This model was supplemented by products of food gathering, hunting and fishing which became components of the actual nutrition system of the nomads (Turkis, Mongols, and Tibetans) at various periods in their history. This system, in spite of its apparent austerity and meagerness, ensured a balanced proportion of proteins, fats and carbohydrates in the human organism and represented the most effectual maximum of nourishment that could be developed under the ecological conditions prevailing in the steppes, semideserts and plateaus of Central Asia.

⁴⁷ *Yan-shuan Lao*. Notes on non-Chinese terms in the Yüan imperial dietary compendium *Yin-shan cheg-yao*. — «Bulletin of the Institute of History and Philosophy. Academia Sinica», v. XXXIX, part II, Taibei, 1969, p. 399—410.

М. С. Бердыев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ ТУРКМЕН В НАШИ ДНИ *

Исследования советских этнографов, посвященные традиционной пище разных народов, показывают, что это один из наиболее устойчивых элементов бытовой культуры¹. Данная особенность пищи делает ее объектом новых интересных наблюдений и исследований, число которых в последние годы заметно возросло². Все более совершенствуются и приемы этнографического изучения пищи, прежде всего методы и принципы классификации различных ее аспектов. Существенно новая методологическая разработка этого вопроса, осуществляемая в последние годы С. А. Арутюновым, Ю. И. Мкртумяном и некоторыми другими этнографами, связана с введением в научный оборот понятия «система питания» и рассмотрением пищи как системы, включающей не только продукты и приготовленные из них блюда, но и определенные нормы поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи³. При этом центральное место в системе питания отводится понятию «трапеза», которая принимается в качестве основной типологической единицы исследования. Это обусловлено тем, что «в отличие от поселений и жилищ пища, а также

* В основу статьи положен доклад, сделанный автором на Региональном совещании по изучению быта сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана (Ашхабад, 24 марта 1983 г.), и материалы, собранные автором в Ашхабадской, Марыйской и Чарджоуской (Халачский и Керкинский районы) областях Туркменской ССР в 1982—1983 гг.

¹ См., например: Арутюнов С. А. Введение и заключение.— В кн.: Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М.: Наука, 1981, с. 5, 248; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 334, 353; Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире».— Краткие тезисы докладов и сообщений. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981, с. 88, 91, 110, 111, 118; Крупник И. И. Питание и экология хозяйства ненцев Большеземельной тундры в 20-х годах XX в.— В кн.: Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.: Наука, 1976, с. 65; Станюкович Т. В., Шмелева М. Н. Пища.— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977, с. 239, 256; Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей.— В кн.: Археолого-этнографический сборник. В. 1. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 156—157, 164—165; Шмелева М. Н. Вопросы типологии и классификации при сравнительном изучении пищи народов СССР.— В кн.: Всесоюз. сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тез. докл. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978, с. 147—148, и др.

² Джикия Н. П. Культура питания грузинских горцев (По этнографическим материалам): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 1977; Пахутов А. Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978; Гонтарь Т. А. Народная пища украинцев Карпат: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Минск, 1979; Артюх Л. Ф. Пища и питание украинских крестьян конца XIX—XX в. (этнографическая характеристика): Автореф. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Минск, 1981; Этнография питания народов стран зарубежной Азии и др.

³ Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания).— Сов. этнография (далее СЭ), 1979, № 5, с. 64—65; Арутюнов С. А. Указ. раб., с. 3—11; Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания).— СЭ, 1981, № 4, с. 14; Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983, с. 189—270.

одежда представляют собой значительно более лабильные и гетерогенные системы, составляющие которых находятся в дисперсном состоянии и комбинируются в качестве реальных единиц потребления лишь в соответствующих трапезах и туалетах». Таким образом, «в реальной жизни пища обычно выступает в составе трапезы, которая представляет собой конфигурацию компонентов-блюдов в определенной последовательности и определенном сочетании. В узком смысле слова трапеза является процессом потребления, т. е. она является центром, ядром, а точнее интегратором всей системы питания как подсистемы КЖ (культуры жизнеобеспечения — М. Б.)...»⁴.

Согласно предложенной С. А. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном классификации⁵, трапезы делятся по распорядку (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, полевые, общественные), по осмысленности и престижности (повседневные, праздничные, ритуальные)⁶.

Из перечисленных способов деления трапез, на наш взгляд, наиболее существенно и методически плодотворно деление по осмысленности и престижности. Его главное преимущество в том, что оно позволяет установить реальные, конкретные связи между системой питания и соционормативной подсистемой культуры и исследовать процессы их взаимодействия. Выделяемые путем такого деления типы трапез (повседневная, свадебная, поминальная, новогодняя, пасхальная и т. д.)⁷ соответствуют определенным семейно-бытовым, календарным и прочим обычаям и обрядам, вернее, представляют собой их органические составные части. Установление и изучение этой взаимосвязи методологически очень важно и необходимо. При таком подходе становится возможным не только определение места и значения пищи в обрядовой жизни, но и, что еще важнее, определение степени влияния последней на саму систему питания. Например, использование предложенной С. А. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном классификации при изучении трансформации системы питания показывает, что этот процесс обусловлен влиянием не только природно-географических и хозяйственно-экономических факторов, но и социальных норм и установок, которые, как известно, сильнее всего проявляются в обрядовой жизни.

Выделение в системе питания трапез разного таксономического уровня от повседневной (мирской) к похоронной (наиболее сакральной) позволяет рассматривать степень вовлеченности каждого вида трапезы в процесс трансформации и, таким образом, выявить поэтапный характер внутривидового развития системы питания.

Как будет показано ниже, фактическое соблюдение тех или иных правил поведения во время трапезы и действительная реализация доступных продуктов и кулинарного опыта их обработки, т. е. приготовление и употребление тех или иных блюд и напитков, в каждом конкретном случае зависят от типа трапезы и типа торжества, во время которого эта трапеза происходит. С этим связано и дальнейшее усвоение, и интеграция новых, а также заимствуемых из других систем питания элементов, которые включаются в состав трапез разных типов в различной степени. Появление инноваций в составе повседневной трапезы, хотя она и является основой питания⁸, еще не означает их полного признания и внедрения в систему питания, потому что инновации, воспринятые в повседневном питании, не всегда включаются в состав трапез следующих, более высоких уровней. Как пишет С. А. Арутюнов, степень интегрированности инновации заключается, в частности, и в том, отражает-

⁴ Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 39, 237.

⁵ Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов (на примере армянской системы питания). — В кн.: Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тез. докл., с. 15; *их же*. Проблема классификации элементов культуры, с. 14.

⁶ Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры, с. 14.

⁷ См.: Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 235—237, 242—247.

⁸ См.: Культура жизнеобеспечения и этнос, с. 237.

ся ли данная инновация, и насколько сильно, в других подсистемах культуры⁹. В данном случае окончательная интеграция инновации в системе питания происходит только тогда, когда она включается также и в состав обрядовых по характеру трапез, и тем самым отражается в соционормативной подсистеме культуры.

Таким образом, отдельные типы трапез отличаются друг от друга не только по материальному составу, количеству участников, правилам этикета и тому подобным нормам, но и существенно разнятся по степени интенсивности трансформации этих параметров. Более подробно попытаемся проследить это на материалах современной системы питания туркмен.

Применительно к поставленной задаче, опираясь на принципы классификации трапез, в современной системе питания туркмен можно выделить два основных типа: 1) домашние трапезы и 2) общественные трапезы.

Домашняя трапеза делится на два подтипа: повседневная и гостевая. Повседневная — это ежедневные обыденные трапезы членов семьи (завтрак, обед, ужин), в которых иногда участвуют и близкие родственники. Гостевая — трапеза, устраиваемая семьей в честь небольшого числа званых или неожиданно прибывших гостей. К гостевой трапезе относятся также угощение во время небольших семейных торжеств (дни рождения, вечеринки, некоторые праздники детского цикла, например праздник первого зуба, первой стрижки волос и т. п.), на которые принято приглашать ограниченное число гостей — родственников, наиболее близких друзей и соседей.

Выделение общественных трапез обусловлено большой ролью в современной жизни туркмен (особенно сельских жителей) отдельных реликтов общинных отношений и прочных семейно-родственных связей¹⁰. До сих пор организация и проведение всех более или менее крупных семейных мероприятий (свадьба, похороны, поминки и т. п.) не обходятся без участия общественности и регламентируются нормами, принятыми в селе или в городском квартале. На эти мероприятия приглашаются дальние и близкие родственники, все население села или близлежащих кварталов города¹¹. Число участников при этом никогда не регламентируется, и угощение, устраиваемое на таких торжествах, приобретает массовый характер. Поэтому эти трапезы, названные нами общественными, по структуре, составу и нормам поведения значительно отличаются от домашних трапез, проводимых в рамках семьи с участием ограниченного числа людей.

Общественная трапеза также делится на два подтипа: праздничная и поминальная. К праздничным относятся все массовые угощения, устраиваемые во время больших торжеств в честь радостных событий (рождение сына, свадьба, постройка нового дома и т. п.), и обозначаемые тюркским словом *той*. Ко второму подтипу относится весь цикл похоронно-поминальных трапез и условно трапезы, сопровождающие традиционные жертвоприношения (*садака, худайелы*).

Рассмотрим сначала соотношение традиционного и нового в составе продуктов и блюд, употребляемых на трапезах различных типов.

Наиболее широкий и разнообразный ассортимент представлен в повседневной трапезе. Утилитарная по природе, она стремится вобрать в себя максимум возможного набора продуктов, отвечающих нормам традиционного питания, а в наши дни на уровне отдельных семей, иногда может и не считаться с этими нормами. В этих случаях возможно употребление таких противоречащих принятым нормам продуктов, как сви-

⁹ Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса. — СЭ, 1982, № 1, с. 10.

¹⁰ О реликтах общины у народов Средней Азии см.: Снесарев Г. П. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. — СЭ, 1957, № 2, с. 60—72.

¹¹ За исключением таких кварталов в крупных городах, где туркменское население малочисленно и не составляет компактного массива.

нина, покупные колбасы, спиртные напитки, пиво и т. п. В современных условиях на уровне отдельных семей появились возможности для кулинарного экспериментирования, вследствие чего модернизируются старые и создаются новые национальные блюда. Происходит также освоение кулинарного опыта других народов. В силу этих причин состав повседневной семейной трапезы отличается большим разнообразием и широтой набора продуктов и блюд и подвержен значительным изменениям. Тут наряду с традиционными можно увидеть большое количество новых спонтанно возникших блюд, не имеющих порой даже устоявшегося общего названия, и таких заимствований как борщ, зеленый суп, котлеты и т. п. Большинство из них носят эпизодический и «очаговый» характер и пока еще не закрепились в практике. Подобные инновации, воспринятые или созданные в отдельных семьях или в группе семей, распространяясь горизонтально, постепенно интегрируются в систему питания или, не получая дальнейшей поддержки, исчезают или остаются узколокальными. Пример первого — домашнее консервирование овощей и фруктов, освоение которого в последние десять лет идет очень быстрыми темпами. Пример второго — начавшееся было в военные годы употребление батата (сладкого картофеля), которое впоследствии не получило развития.

Апробированные и отобранные таким образом в повседневном питании новые продукты и блюда включаются со временем в трапезы следующих уровней.

Блюда, предназначенные для гостевой трапезы, отличаются более высоким качеством приготовления, что обусловлено традициями гостеприимства. Центральное место в приеме гостей занимает хорошее угощение, для которого стараются приготовить наиболее вкусные и престижные блюда. В меню гостевой трапезы устойчиво сохраняются самые лучшие блюда традиционной кухни (мясные супы, каши, пироги, пельмени и т. п.); в него включают также инонациональные блюда, получившие широкое признание в повседневном питании и отвечающие вкусовым или иным традиционным нормам питания (например, лагман, манты, голубцы, фаршированный перец, кюфта, пити и т. п.). При этом чаще и шире воспринимаются блюда среднеазиатских и кавказских народов как более близкие по вкусу и структуре к традиционным туркменским.

По сравнению с домашними традиционный набор блюд в общественных трапезах более устойчив. Для них готовят в основном национальные блюда, многие из которых присущи только трапезам данного типа. При этом можно наблюдать более или менее выраженное разделение блюд по смысловой линии: радостное — печальное. Одни блюда предназначаются для радостных, другие — для печальных событий, причем в них наблюдаются и локальные различия. Например, в большинстве районов Марыйской области на праздничных торжествах хлеб пекут обычно из дрожжевого теста, а на трапезах, связанных с печальными событиями, — из пресного. Для трапез поминального типа готовят и жаренные в масле лепешки *чапады*, и любимое многими блюдо *дограма*, (смесь кусочков отварного мяса, хлеба и репчатого лука, залитая мясным бульоном), а такие ритуальные печения как *челпек*, *гатлама* и *пишме*, пекут только на свадьбах и связанных с ними торжествах. При этом, как указывалось, состав блюд этих оппозиций в отдельных районах может быть разным¹², но более или менее четкая приуроченность отдельных блюд к конкретным торжествам наблюдается везде¹³. В туркменской кулинарии есть и универсальное в этом отношении блюдо — традиционный суп *чорба* из свежего мяса. Он атрибут всех без исключения трапез.

Устойчивость традиционного состава блюд общественных трапез прекрасно иллюстрируется тем фактом, что некоторые старинные блюда, по-

¹² Например, ту же лепешку *челпек* ахальские туркмены пекут и на поминках.

¹³ Об этом подробнее см.: Оразов А. Традиционные свадебные блюда туркмен.— Памятники Туркменистана, 1979, № 2, с. 28—29.

степенно исчезая из меню повседневной и гостевой, продолжают бытовать в общественных трапезах. Например, широко распространенную в прошлом пшеничную кашу *ярма* в наши дни можно отведать только на свадьбах в некоторых районах республики.

Среди общественных трапез наибольшей консервативностью и невосприимчивостью к инновациям отличается меню похоронной трапезы, которое, как и прежде, остается чрезвычайно простым и скромным. Почти во всех районах Туркмении оно состоит только из хлеба и мясного супа, заменяемого в последнее время в некоторых районах мелко нарубленным жареным мясом. В связи с этим следует отметить, что традиционные правила запрещают жарить мясо для похоронной трапезы, так же как и рубить кости при разделке¹⁴. Жарка мяса имела буднично-праздничное значение и применялась обычно при заготовке мяса впрок (*говурма*) и приготовлении деликатесных блюд (*шара, чишлик, кебап* и т. п.). Тушу овцы, закалываемой для похоронной трапезы, следовало разделять по суставам и варить¹⁵. Наблюдаемое в отдельных районах нарушение этого правила, т. е. замещение вареного (сакрального) мяса жареным (будничным), следует рассматривать как следствие «секуляризации» былого содержания поминальных трапез. Раньше у туркмен основным смысловым содержанием похоронной трапезы, как и всех поминальных трапез, была общая для всех традиционных обществ архаическая идея снабжения покойника пищей. Считалось, что чем больше люди едят на поминках, тем больше пищи получает покойник на том свете. Сознание этого в некоторой степени нейтрализовало отрицательное влияние траурной обстановки на аппетит участников похоронной трапезы. В наши дни с исчезновением веры в загробную жизнь исчезла и вера в необходимость снабжения покойника пищей. Но память об усопшем остается, остается и похоронная трапеза — главный способ почитания этой памяти. При этом сознание несоответствия обильной еды и траура теперь уже ничем не нейтрализуется, и вытекающая отсюда крайняя воздержанность в пище приводит к тому, что похоронная трапеза превращается в символическую трапезу: каждый отведывает лишь маленький кусочек пищи за помин души. После этой «трапезы» блюдо, на приготовление которого уходит все мясо овцы, остается почти нетронутым и, если это мясной суп, быстро портится. Поэтому в целях сохранения продукта от порчи на похоронах все чаще подают жареное мясо, приготовление которого аналогично приготовлению мяса впрок.

Продолжает оставаться скромным и меню поминальных трапез, устраиваемых на третий, седьмой, сороковой дни и в годовщину. Редкие попытки разнообразить его салатами, зеленью, фруктами, конфетами и другими новшествами, как это делается теперь в иных трапезах, не получают поддержки, а порою даже осуждаются как действия, не соответствующие обстановке печали и траура. Это яркий пример того, что включение какого-либо продукта в состав тех или иных трапез зависит также и от смыслового значения, которое придает ему народ.

Одна из причин устойчивости традиционного меню общественных трапез — их многолюдность. Возможность включения в состав таких трапез традиционных или новых блюд, широко употребляемых в домашних трапезах, обусловлена не только их вкусовыми качествами, престижностью и осмыслением. Они должны быть еще и удобными для приготовления в расчете на несколько сотен человек. Поэтому такие трудоемкие блюда, как традиционные пельмени *бөрек* или новация *манты*, требующая к тому же посуды специальной конструкции, конечно же, не могут быть приготовлены для угощения большого числа людей. По этой же причине, возможно, в состав массовых трапез еще долго не смогут проникнуть инонациональные блюда, приготовляемые с гарниром или под соусом, требующие отдельной обработки разных ингредиентов в отдель-

¹⁴ Существовало поверье, что иначе покойник обидится, будто рубят его кости.

¹⁵ При этом следовало употребить на приготовление блюда всю тушу. Примечательно, что овца, специально забиваемая в день похорон, называется *янджанлы*, т. е. «животное, сопровождающее [покойника]».

ной посуде. Другое дело, плов — заимствование сравнительно большой исторической давности, очень удобное в приготовлении и потому ставшее основным блюдом многих общественных трапез.

Как блюда, так и различные новые для традиционной кулинарии продукты и напитки в рацион различных трапез проникают не с одинаковой интенсивностью. Попытаемся проследить это на примере картофеля, капусты, сахара, водки и чая. Так, картофель уже стал одним из необходимых компонентов традиционного мясного супа, приготавливаемого на многих общественных трапезах; капуста же употребляется только в гостевых и повседневных, но не в общественных трапезах.

На примере сахара можно увидеть, что одним из основных признаков массового признания того или иного нового продукта и его полной интеграции в структуру питания является его включение в систему того или иного ритуала. В данном случае сахар был включен в строго регламентированный состав традиционных подарков, являющихся важной составной частью свадебного обряда. Из сахара же готовят ритуальный напиток *суйджилик сув*, которым угощают всех присутствующих в момент бракосочетания в знак пожелания молодым сладкой совместной жизни.

Спиртные напитки были заимствованы туркменами как атрибут веселого пира, т. е. как вещь со знаком «радость». Именно этим объясняется абсолютная трезвенность похоронных и поминальных трапез, куда спиртные напитки еще не проникли и в ближайшем будущем, видимо, не проникнут. По этой же причине происходит временное воздержание (обычно в течение сорока дней) от алкоголя людей, потерявших близкого человека. Объяснять это одним только пережиточным влиянием мусульманского запрета на вино было бы неправильным, потому что воздержание от спиртного характерно и для гражданских панихид, совершенно свободных от каких бы то ни было религиозных установлений и предписаний.

Обычно не пьют и за семейным обедом. Это в какой-то мере обусловлено сохранением больших, неразделенных семей и тесной связью малых семей со своими родственниками, старшее поколение которых к употреблению спиртных напитков, как правило, относится отрицательно. Зато спиртные напитки в силу своего вышеупомянутого знакового содержания постепенно становятся необходимым атрибутом гостевой и праздничной трапез, все более приобретая смысл престижности. Постепенно входит в быт новое и, кстати сказать, не очень здоровое правило (большую часть в молодых семьях) — обязательно ставить на скатерть, разостланную в честь гостя, спиртные напитки.

Что же касается чая, то среди заимствованных напитков он оказался самым «всепроникающим». Еще в начале века, несмотря на более чем двухсотлетний период знакомства туркмен с чаем¹⁶, далеко не всем людям он был доступен. В наши дни чай является непременным атрибутом всех трапез. Более того, приглашение на чай стало синонимом приглашения в гости. А такое выражение, как *чайлап гечмек* (букв. «напиться чаю и идти дальше»), больше означает остановку в пути или кратковременный визит в гости, нежели само чаепитие. В связи с чаем появилась и своеобразная единица времени *чай ичим салым* (букв. «время, за которое можно успеть выпить чай») — отрезок времени, равный примерно 20—30 мин.

Теперь рассмотрим соотношение традиций и инноваций в способах приема пищи и этических правилах трапез различного таксономического уровня.

Способы приема пищи и правила поведения во время еды в отличие от ассортимента продуктов и блюд обладают сравнительно большей устойчивостью традиционных норм. Тут наряду с вышеуказанными причи-

¹⁶ Первое известное нам сведение об употреблении туркменами чая относится к первой половине XVIII в. Именно в этот период была создана поэма классика туркменской литературы Андалиба «Чай». См.: История туркменской литературы. Т. 2. Кн. 1. Ашхабад: Ылым, 1975, с. 87 (на туркм. яз.).

нами большое регулирующее влияние оказывает такой сильнодействующий фактор, как традиционная этика.

В наши дни у туркмен в сельских и большей части городских семей сохраняется традиция принимать пищу на полу, собравшись вокруг разостланной посередине клеенки или скатерти (исключение составляет незначительная часть городских семей). Прием пищи за столом до сих пор не вошел в повседневный быт туркмен, несмотря на его преимущества в организации трапезы, сервировке стола, размещении людей и т. д.¹⁷ Одним из основных тормозящих факторов при этом является устоявшаяся веками привычка сидеть на полу, поджав под себя ноги¹⁸.

Но следует заметить, что излюбленные позы сидения туркмен пришли в противоречие с современной культурой ношения одежды. Речь идет о мужской парадно-выходной одежде европейского покроя, нормы правильного ношения которой не признают сидения на полу¹⁹. Нам кажется, что это обстоятельство способствует тому большому успеху, который имеет в последние годы прием пищи за столом на свадьбах и иных торжествах нового образца. Но этого нельзя сказать о домашней одежде, формы и, главное, нормы ношения которой у большинства населения сохраняют традиционные черты и соотносятся с привычными позами сидения на полу. Поэтому нам представляется, что в обозримом будущем в рамках семейно-повседневной трапезы традиционный способ приема пищи на полу сохранится, а праздничные и званые обеды большей частью будут происходить за столом.

Что же касается похоронно-поминальных трапез, то тут традиции приема пищи сохраняются очень устойчиво. Отмеченная выше простота и скромность в одинаковой мере относятся и к правилам организации и проведения этих трапез. На поминки и особенно на похороны принято приходить в старой и поношенной одежде. Трапеза на них бывает кратковременной, а во время трапезы, устраиваемой после возвращения похоронной процессии с кладбища, она, как было уже отмечено, сводится лишь к символическому принятию пищи. В этом случае не всегда стелется даже обычная подстилка (кошма, куски брезента и т. п.) — большинство людей располагаются прямо на голой земле. Использование столов и стульев в поминальных трапезах затрудняется, видимо, и тем, что прием пищи за столом пришел в широкие массы туркмен как атрибут комсомольской свадьбы и в некоторой мере осознается народом как определенный символ радости.

У туркмен бытует до сих пор и правило, по которому несколько человек едят из одной миски. Во время домашних трапез такие группы составляют в основном отдельно из мужчин и женщин, а на общественных трапезах учитываются и возрастные различия. Во время массовых трапез основным критерием группировки взрослых людей, принимающих пищу из одной миски, выступает признание друг друга достойными есть из одной посуды. По традиционному этикету есть в таких случаях одному (за исключением глубоких стариков) считается неприличным, а в некоторых случаях и оскорбительным²⁰.

¹⁷ Столы и стулья, имеющиеся почти в каждой семье, используются в основном как предметы декорации: на столы, например, ставят телевизоры, радиоприемники, зеркала и т. п. На стулья садятся в самых необходимых случаях, например при шитье на ножной швейной машинке. Обычно даже школьники читают и пишут на полу. Манера сидеть и отдыхать на полу устойчиво сохраняется не только у туркмен, но и у других народов Средней Азии и Казахстана. Об этом см.: *Васильева Г. П.* Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана. — СЭ, 1979, № 3, с. 24.

¹⁸ Сидение на стульях было для туркмен настолько непривычным, что в первые годы появления в быту стульев некоторые даже пытались садиться на них, поджав под себя ноги. Именно так сидит старик, сфотографированный в читальне Дома дехканина в Ашхабаде в 1929 г. См.: *Туркменоведение*, 1929, № 10—11, с. 58.

¹⁹ Это противоречие усилится с переходом к европейскому фасону и способу ношения женской одежды, такие тенденции становятся все заметнее (например, укорачивание длины платья, случаи отказа от традиционных шаровар и т. д.).

²⁰ Про людей, недостойных уважения, в народе иногда говорят: «Ол бир табакдан нахар иер ялы адам дел» (букв.: «Он недостоин того, чтобы есть с ним из одной миски»).

При бытовании совместной еды из одной посуды, предполагающей единение людей на очень высоком психологическом уровне, у туркмен до сих пор сохраняется другая противоположность — половозрастное разделение в еде, предполагающее раздельный прием пищи мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми. Если в повседневной трапезе эта дифференциация в наши дни доведена до минимума, т. е. обычно члены семьи обедают вместе, за одной скатертью, то в трапезах других уровней она устойчиво сохраняется. Возьмем к примеру массовые свадебные тра-

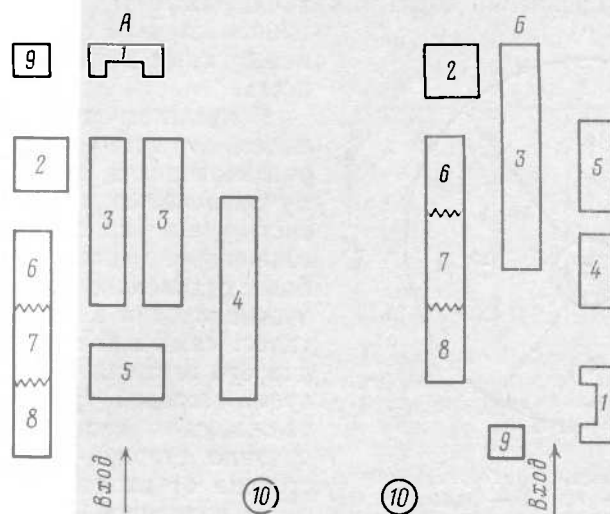

Рис. 1. Схема расположения гостей на свадебной трапезе (А — свадьба в пос. Караметнияз, 4.09.1983; Б — в колхозе Гуйчбирлешик, 6.09.1983): 1 — молодожены и их близкие друзья, 2 — старики-аксакалы, 3 — взрослые мужчины старше 20 лет, 4 — юноши и подростки старше 10—12 лет, 5 — мальчики старше 4—5 лет, 6 — пожилые и замужние женщины с маленькими детьми до 4—5 лет, 7 — девушки старше 10—12 лет, 8 — девочки старше 4—5 лет, 9 — оркестр, 10 — место приготовления пищи

пезы, на которых нам удалось побывать в Керкинском и Халачском районах²¹. Во время этих трапез под открытым небом гости образовали следующие половозрастные группы, располагавшиеся в некотором отдалении друг от друга (см. рис. 1).

Мужские группы: старики-аксакалы²² (*яшулы адамлар*), взрослые мужчины старше 20 лет (*улы адамлар*), юноши и подростки старше 10—12 лет (*огланлар*), мальчики старше 4—5 лет (*чагалар*).

Женские группы: пожилые и замужние женщины с маленькими детьми до 4—5 лет (*аяллар*), девушки старше 10—12 лет (*гызлар*), девочки старше 4—5 лет (*чагалар*).

Третью, обособленную от всех остальных групп составляли молодожены и их близкие друзья, которые в отличие от других ели за столами.

При этом если возрастные границы между близкими по возрасту группами одного пола зачастую размыты, то разделение по половому признаку соблюдается строго, начиная примерно с 4—5 лет, т. е. с достижением возраста, когда ребенок освобождается от постоянной опеки матери.

Следует отметить, что подобная единовременно организованная трапеза с участием всех возрастных групп обоего пола на одной площадке — явление для туркменского быта новое. Раньше на традиционной свадебной трапезе эти группы располагались не столь компактно, иногда даже в разное время, а молодожены не участвовали в ней совсем. Эта

²¹ Полевые материалы автора, 1983, бл. № 4, с. 70—72, 81—83.

²² Возрастные границы даны приблизительно.

новая структура трапезы образовалась по типу комсомольских свадеб, проводимых по образцу русского свадебного застолья. Такое единовременное размещение различных половозрастных групп на одном пространстве вызвало необходимость организации этого пространства, т. е. распределения более престижных и менее престижных мест согласно полу, возрасту и общественному статусу участников трапезы. Непосредственное влияние на решение этого вопроса оказывает, видимо, старинное правило организации пространства юрты — традиционного жилища туркмен. При сравнении порядка размещения гостей в юрте и на современной свадьбе можно обнаружить между ними некоторую преемственность.

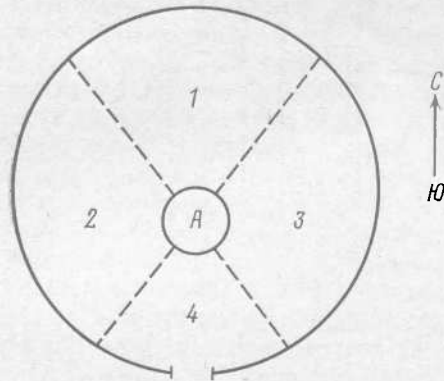

Рис. 2. Организация пространства юрты у туркмен: А — очаг, 1 — наиболее почетное место (тор), 2 — мужская половина, 3 — женская половина, 4 — наименее почетное место (ишик)

В прошлом юрта у туркмен делилась на пять основных частей, различающихся по функциональному назначению и уровню престижности (см. рис. 2). Центральным, священным местом был очаг. Наиболее отдаленное от входа место (за очагом против входа) — *тор* — считалось самым почетным. В обычные дни его занимал глава семьи, а во время гостевой трапезы — наиболее уважаемые гости-мужчины, как правило, старики-аксакалы. Правая сторона от входа²³ считалась женской половиной, левая сторона — мужской²⁴. При этом были возможны случаи перенесения женской половины в юрте с правой стороны на

левую (мужскую) сторону (так поступали лишь в тех случаях, когда в семье часто умирали мужчины или когда хозяйка дома была бездетна или страдала какой-нибудь болезнью)²⁵. Пространство юрты, примыкающее к входу (*ишик*), считалось наименее почетным. С появлением у туркмен оседлого жилища этот порядок был перенесен и на глинобитный дом (см. рис. 3)²⁶.

Почти аналогичный этому порядок размещения гостей мы видим и в нашем примере современной свадебной трапезы, где соблюдены основные правила традиционной организации пространства юрты. Тут разница только в изменении распределения правой и левой сторон между женщинами и мужчинами, что, впрочем, как было уже сказано, не было ненарушимым условием и в прежние времена. Все остальное повторяет порядок размещения в юрте: на самом почетном, т. е. наиболее отдаленном от условного входа (откуда вносят еду) месте сидят старики-аксакалы; тут же и по всему центру (при отсутствии очага) расположились взрослые мужчины, которые составляют ядро участников трапезы; слева от них разместились женщины (при этом старшие ближе к старикам), справа — юноши и подростки. Самые младшие по возрасту сели ближе

²³ Следует отметить, что сами туркмены места в юрте определяют, став лицом к выходу. Следовательно, эта сторона считается туркменами левой.

²⁴ Васильева Г. П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, 1952, т. 1, с. 458; Джикиев А. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX—XX вв. — СЭ, 1957, № 4, с. 81—82; Оразов А. Поселения и жилища прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в. — Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 7, Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1963, с. 53—54; Полевые материалы автора, 1982, бл. № 7, с. 51 и др.

²⁵ Васильева Г. П. Итоги работы Туркменского отряда, с. 458; Оразов А. Поселения и жилища прибалханских туркмен, с. 53—54.

²⁶ См.: Васильева Г. П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX — начале XX в. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982 с. 201—203; Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969, с. 160.

к выходу, на наименее почетных местах (в позиции Б рис. 1 мальчики как самая шумная компания размещены подальше от молодоженов). Что же касается молодоженов и оркестра, то эти новые для туркменской свадебной трапезы группы, которые располагаются недалеко друг от друга, еще не имеют постоянно установленного места относительно входа. В рабочем поселке Караметнийаз (рис. 1, позиция А) они как новые престижные центры размещены на почетном месте, как бы во главе трапезы, хотя и в некотором отдалении от основной массы участников; в колхозе «Гуйчбирлешик» (рис. 1, позиция Б), где традиции более сильны, они располагаются у входа на противоположной от стариков-акса-

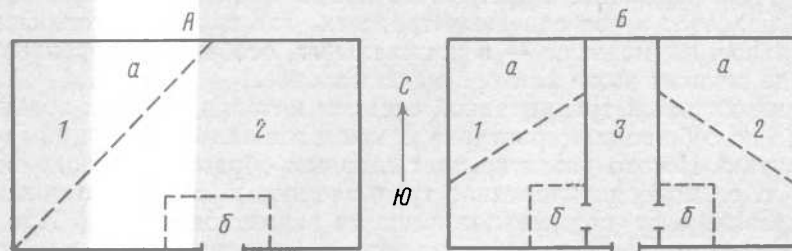

Рис. 3. Организация пространства однокамерного и многокамерного жилища у туркмен (пунктиром выделены наиболее почетные и наименее почетные места). Однокамерное (А): 1 — мужская половина, 2 — женская половина, а — наиболее почетное место, б — наименее почетное место; многокамерное (Б): 1 — гостиная (мужская) комната, 2 — жилая (женская) комната, 3 — прихожая, а — наиболее почетное место, б — наименее почетное место

калов стороне. В целом же правила организации пространства современной свадебной трапезы у туркмен находятся в стадии становления. Этот процесс может быть охарактеризован как взаимодействие старых и новых престижных центров трапезы.

Возвращаясь к вопросу о половозрастном разделении во время еды, отметим, что свою законченную форму оно приобретает во время похоронной трапезы, когда совместная еда мужчин и женщин невозможна не только за одной скатертью, но и в одном помещении или на площадке. Из этой трапезы совершенно исключаются дети и подростки.

Хочется отметить еще один, сравнительно недавно возникший вид сегрегации в еде. Это раздельный прием пищи во время массового угощения на традиционной свадьбе людьми, употребляющими спиртные напитки, и непьющими. В этих случаях гостей, желающих пить, отделяют от других и накрывают им на стол не в доме, где происходит свадебная церемония, а где-нибудь в стороне, у соседей или родственников. Еду им готовят также отдельно. Интересно отметить, что подобного разделения обычно не происходит во время гостевой трапезы, где пьющие и непьющие едят не только за одной скатертью, но иногда и из одной посуды.

Наблюдается общая для всех трапез, кроме поминальных, тенденция постепенного отказа от послеобеденных молитв на арабском языке и замены их благопожеланиями на туркменском языке, которые в качестве дополнения к религиозным молитвам существовали и раньше. Это, как правило, пожелания здоровья и счастья семье и кормильцу, изобилия в доме, мира и дружбы во всем мире.

Как видно из рассмотренных материалов по пище современных туркмен, трансформация ее как динамической системы представляет сложный и многогранный процесс, протекающий не прямолинейно и не в одной плоскости. Этот процесс не может быть сведен только к каким-то общим качественным и количественным изменениям в режиме и рационе питания. Степень сохранения традиционного и действительной реализации нового как в продуктах, так и в нормах поведения зависит от типа трапезы, и, таким образом, трансформация системы питания в разных ее сегментах идет с различной интенсивностью. При этом основная линия

различий лежит между домашними и общественными трапезами: первые и по материальному составу, и по нормам поведения трансформируются быстрее, чем вторые. Это объясняется, во-первых, тем, что общественные трапезы в отличие от домашних в силу своей массовости более строго подчиняются общепринятым нормативам, соблюдение которых контролируется общественным мнением; во-вторых, общественные трапезы по существу являются составными частями тех или иных традиционных обрядов и тут общественное регулирование трапез дополняется предписаниями ритуала. Таким образом, здесь налицо действие закономерности: чем сильнее влияние соционормативной культуры в пище, тем ниже степень трансформации. В силу этого наибольшая степень трансформации наблюдается в повседневных трапезах, где влияние этого фактора минимальное, наименьшее — в поминальных, особенно похоронных трапезах, где влияние этого фактора максимальное.

Что же касается традиционной системы питания туркмен вообще, то она сама по себе не консервативна и, как и все явления быта, подвержена развитию. Но это развитие идет главным образом на национальной основе, т. е. модернизированное традиционное и спонтанно возникшее новое превалируют над межэтническими заимствованиями. При этом заимствованные элементы интегрируются и подчиняются нормам традиционной системы питания. В силу этого этническая специфика среди других элементов материальной культуры устойчивее всего сохраняется в пище, и поэтому она есть и, видимо, будет одним из основных носителей этнически особенного в быту туркмен.

С. А. Дбар

ТРАДИЦИОННЫЕ РОДИЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ АБХАЗОВ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

Обычаи и обряды, связанные с жизнью ребенка, в том числе родильные, как и свадебная обрядность, в этнографической литературе принято рассматривать как особый цикл семейных обрядов¹, имевших лишь одну цель — «обеспечение благополучного появления на свет и успехов в жизни нового члена общества»².

Специальные работы, характеризующие цикл родильных обычаев и обрядов у абхазов, отсутствуют. Данная статья, в какой-то мере восполняющая этот пробел, написана на основе многолетних наблюдений автора над абхазским бытом. Использованы также полевые материалы, собранные в 1982 г., во время работы с экспедицией Института этнографии АН СССР, проводившейся по теме: «Комплексное биолого-антропологическое и социолого-этнографическое изучение народов с повышенным процентом долгожителей». Необходимый материал собирался в течение

¹ Смирнова Я. С. Воспитание ребенка у абхазов. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. В. 36. М. — Л., 1962; *ее же*. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — Кавказский этнографический сборник. VI. М.: Наука, 1976; Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры: по материалам родильной обрядности у украинцев. Киев: Наук. думка, 1981; Федянович Т. П. Родильные обряды у мордвы (к их количественной характеристике). — В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981; Соловьева Л. Т. Динамика обрядности детского цикла у грузин Картли и Кахети (вторая половина XIX — начало XX в.). — В кн.: Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М.: Наука, 1982; *ее же*. Родильная обрядность у грузин. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР, 1979, М.: Наука, 1983; Чвырь Л. А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений. — В кн.: Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.

² Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. (по материалам городов Латгале и Курземе). М.: Наука, 1980, с. 53.